

Урал манил Пушкина

> Завтра 211-я годовщина со дня рождения великого поэта

О ПУШКИНЕ, гении русской словесности, написали немало исследований и трактатов. Но есть в его биографии страница, связанная с нашим уральским краем.

В 30-е годы XIX века Пушкин, к удивлению многих поклонников и знатоков его творчества, увлекся изучением российской истории. Он погрузился в архивные документы, статьи. Его интерес был продиктован творческими планами – он приступил к созданию «Арапа Петра Великого». В архивах Александр Сергеевич с удивлением отметил, как противоречивы и порой противоположны сведения об истории пугачевского бунта. Изучив официальную точку зрения по поводу «смутяна и бунтовщика», поднявшего народ на борьбу, Пушкин понял, какая интересная и неординарная личность скрывается за сухими фактами. Задумав написать произведение, основанное на истории пугачевского восстания, Александр Сергеевич почувствовал необходимость побывать на Урале: «Мне надобно побывать в тех местах, где разворачивались события, подышать тем воздухом, встретиться с людьми – очевидцами событий...» – напишет поэт в одном из писем.

Но не просто было реализовать это намерение. После событий 1825 года А. Пушкин находился под негласным надзором полиции. Он идет на небольшую хитрость, обратившись с письмом к императору, в котором пишет: «Я задумал исторический роман, который, надеюсь, доставит мне деньги, в коих имею нужду». В этом письме Пушкин не упоминает, о ком будет его роман. Получив высочайшее разрешение императора и заручившись его письменным согласием, Пушкин, не откладывая дела, устраивает семью на даче в пригороде Санкт-Петербурга и отправляется в Москву. Заняв у друзей денег – Пушкин действительно всегда «имел в них нужду», 29 августа 1833 года он отправляется в путешествие на Урал.

Путь поэта лежал через множество почтовых станций, где путникам меняли лошадей. Позади Владимир и Муром, Чудов монастырь, много похожих одна на другую русских деревенок. В Нижнем Новгороде Пушкин сделал остановку. Там он предполагал поработать в архивах. В письме жене Пушкин пишет: «Меня весьма радушно приняли Михаил Петрович Бутурлин. Усадив на сафьяновом диване, сам сел рядом и долго расспрашивал о дороге, о Москве, о Петербурге, о моих делах. С его разрешения я поработал в архиве, а вечером вновь был приглашен в дом губернатора, где был представлен всему семейству. Но, мой друг, что-то меня удивило и насторожило в этом радушии. Чутье мне подсказывает, что приняли меня за важного чиновника, путешествующего инкогнито. Впрочем, поживем – увидим...»

Интуиция его не обманула. Если заглянуть в собрание сочинений А. Пушкина, можно увидеть любопытный план повести под названием «Криспин приезжает в губернию»,

составленный как раз после путешествия. Это своеобразная модель сюжета, который Пушкин подарил Гоголю – и получился всем известный «Ревизор».

Несмотря на массу впечатлений в путешествии, Александр Сергеевич ни на миг не забывает свою красавицу Натали и шлет ей письма с каждой почтовой станции: «Красавица моя! Что у нас за погода! Дни жаркие, с утра маленькие морозы – роскошь! Так ли у вас? Ангел мой, если ты будешь умна, то есть здорова и

спокойна, то я тебе из деревни привезу товара на сто рублей». В некоторых письмах грусть и тоска по дому:

«Мой ангел, кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь...»

Но быстротечное время торопило Пушкина к конечной цели путешествия – Оренбургу. «Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать все, что предполагал видеть. Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия».

После привольных волжских полей и лесов путь Пушкина лежал через степи.

Уходит вдаль
вспоминаний цепь,
И наполняет сердце человека
Башкирская нетронутая степь
Дорогою длиною
в два долгих века.
И грустный Пушкин
едет в Оренбург.

День короток
в его дороге дальней.
И колокольчик захлебнулся вдруг,
Повиснув под дугой луны
печальной.

Молчит поэт,
летит кибитка вскачь,
Стучат колеса новенькие глухо.
Башкирские мелодии, как плач,
Мерещатся внимательному слуху.
(Г. Рамазанов «В башкирской степи»)

18 сентября 1833 года, спустя три недели после выезда из столицы, экипаж нашего путешественника остановился у Сакмарских ворот Оренбурга. Стоявший у ворот часовой попросил предъявить документы и внимательно прочитал документ на гербовой бумаге: «Свидетельство № 2842. Предъявитель сего, состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник Александр Пушкин, по прошению его уволен в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую губернии. Во удостоверение чего и дано сие свидетельство от Департамента хозяйственных и счетных дел с приложением печати. С. Петербург. Августа 12 дня 1833 года. Вице-директор граф Виельгорский. Начальник отделения Орлов».

Пушкин спросил часового, где найти господина губернатора. Не заезжая в город, Александр Сергеевич отправился на загородную дачу губернатора Перовского засвидетельствовать почтение.

О приезде Пушкина в Оренбург узнал Владимир Даль – автор знаменитейшего «Словаря живого великорусского языка» – и спешно отправился повидаться. Их встреча была теплой. Даль был благодарен

Пушкину за лестный отзыв на его первую книгу «Русские сказки». Узнав о цели приезда Пушкина в Оренбург, Владимир Иванович предложил остановиться в его доме. Пушкин с радостью принял приглашение. Они долго беседовали об общих столичных знакомых, о литературных планах. Узнав, что Пушкин мечтает встретиться с очевидцами пугачевского восстания, Даль вызвался быть проводником по Оренбургской губернии. Утром 19 сентября 1833 года Даль и Пушкин отправились в Бердскую станицу, бывшую столицу Пугачева.

Еще до поездки Даль рассказал Пушкину о старухах, которые помнили события пугачевского бунта. Из письма к Наталье Николаевне: «В деревне Берде, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я большую удачу – нашел 75-летнего казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал. Кто эта казачка, что привлекала внимание Пушкина? Звали ее Ирина Афанасьевна Бунтова. Она не только вспомнила, как выглядел самозванный царь, но и спела песню: «Не сумела ты, ворона, ясна сокола поймать...»

В Бердской станице находился «золотой дворец» Пугачева. Мы видим «государев дворец» глазами Петра Гринёва: «Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу – все было как в обыкновенной избе».

Неужели дворец Пугачева действи-

тельно был золотым? Оказывается, пугачевцы задержали под Орском торговый караван, следовавший из Бухары. Среди захваченных товаров – пряности, чай, серебро, было до двух ящиков шумихи – тончайшей бумаги золотистого цвета. Ею и оклеили «дворец» Пугачева, чтобы он отличался от домов простых казаков. После пугачевского бунта дом сожгли, дабы стереть из памяти людей любое упоминание о царе-самозванце.

А наши путешественники двинулись дальше – побывали в крепостях Татищеве и Нижнеозерной. До сих пор исследователи творчества Пушкина спорят, какая крепость изображена в повести. Вероятно, Белогорская вобрала в себя черты многих крепостей Оренбургской пограничной линии, которые были построены по единому чертежу и соответствовала требованиям того времени.

А путь Пушкина и Даля лежал в Яицкий городок, переименованный после пугачевского восстания в Уральск – теперь это территория Казахстана. В Яицком городке Пугачев объявил себя Петром III.

В Уральске Пушкин пробыл два дня. «Тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали два обеда ... наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду». Дорогих гостей привезли на берег Урала, к учугу, где угощали ухой и икрой, тут же приготовленной.

Пушкин побывал в старой части города, где разворачивались события пугачевского восстания. Поэт увидел обгоревшие стены полуразрушенной церкви Петра и Павла, где венчался Пугачев с молодой казачкой Устиной Кузнецовой и где он присягнул на царство. Но главное – Пушкину удалось встретиться и побеседовать с двумя участниками тех далеких событий – с казаками, которым было более 90 лет.

Многое увидел и узнал Пушкин в Уральске. Он яснее представил личность Пугачева, отношение казачества к нему. Из Уральска Пушкин, простившись с Далем, отправился в Болдино. И хотя он пробыл на Урале около десяти дней, он увозил с собой массу впечатлений и замыслов для новых произведений. «Ангел мой! Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха и что Бог угодил на одного меня, давая мне везде прекраснейшую дорогу. При выезде моем вечером пошел первый дождь. Я сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться». Несмотря на ненастье, Александр Сергеевич пребывал в хорошем расположении духа – главная цель столь дальнего путешествия была выполнена. Под перестук колес Пушкин вспоминал все, что удалось ему увидеть и узнать на Урале об Емельяне Пугачеве.

В Болдине Пушкина ждали – комнаты были хорошо натоплены. И Пушкин спешит приступить к работе. «Вот уже неделя, как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят. Мне тоска без тебя, кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав, но нельзя, мой ангел. Взясал за гуж, не говори, что не дюж, то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой».

Пушкин с головой погрузился в работу. И из-под его пера появились сначала исторический трактат «История Пугачева», а затем – «Капитанская дочка».

НАТАЛЬЯ ТРОИЦКАЯ,
старший научный сотрудник
краеведческого музея

> В 30-е годы XIX века Пушкин увлекся изучением российской истории